

Максим Знак

Зекамерон

МНЕ ГЛОБАЛЬНО ПОТЕПЛЕМЬЕ.
УХУДШАЕТ НАСТРОЕНЬЕ.
СОЛНЦЕ СВЕТИТ - ЖАЛКО!
Я - шерстистый, жарко!

#330
6.8.21

Максим Знак Зекамерон

Серия «О времена!»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69448459

Зекамерон: Время; Москва; 2022

ISBN 978-5-9691-2362-5

Аннотация

«Зекамерон» написан в камере предварительного заключения. Юрист Максим Знак во время избирательной кампании 2020 года в Беларуси представлял интересы кандидатов в президенты Виктора Бабарико и Светланы Тихановской. Приговорен к 10 годам лишения свободы по обвинению в числе прочего в «заговоре с целью захвата власти неконституционным путем». Достоевский писал: «В каторжной жизни есть одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: вынужденное общее сожительство... В острог-то приходят такие люди, что не всякому хотелось бы сживатьсь с ними». Максим Знак рассказал о своем «общем сожительстве» с соседями по неволе. Все они ему интересны, всех он выслушивает, всем помогает по мере сил. У него счастливый характер и острый взгляд: даже в самых драматических ситуациях он замечает проблески юмора, надежды и оптимизма. «Зекамерон» – первый для Максима опыт прозы. Будет ли продолжение? Маяковский после года в Бутырке пишет:

«Важнейшее для меня время... Бросился на беллетристику». Но это он пишет уже на свободе – пожелаем того же и Максиму Знаку.

Содержание

1	8
2	10
3	12
4	14
5	16
6	18
7	20
8	22
9	24
10	26
11	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

О ВРЕМЕНА!

Максим Знак Зекамерон

Скачет дикий кенгуру*
Уши хлещут на ветру
В сумке плачут дети
Счастье есть на свете!

х до 64 км/ч
1 прыг = до 12 м

В оформлении книги использованы рисунки Максима Знака, сделанные в камере предварительного заключения

© М. Знак, 2022

© «Время», 2022

* * *

От самого сердца с благодарностью:

Моей маме и маме моей мамы, которые настолько верили в меня, что у меня вдруг вышло стать собой.

Моему дедушке, который научил, что если делать – то побольшему; и дедушке, который вернулся, стал папой папы и научил меня играть в шахматы.

Моему папе, который вынужден нянчиться со мной повторно.

Моей сестре, ставшей моим голосом, более ярким, талантливым и искренним, чем мой собственный.

Моему сыну Алесю, который вынужден подменить меня в процессе своего воспитания,

И конечно, моей жене Надежде, моему Защитнику, которая когда-то не отказала в ЗАГСе, которой я слишком мало помогал, и которая в суде сражалась за меня так, что я впервые от счастья расплакался.

Эти бусинки эмоций, мгновения смысла в сплошной безнадёжной серости, эти отголоски пусть грустных, но улыбок

– конечно, для вас.

*Вот так вот написалось, с одного дубля, как
говорят в кино.*

Заходи ко мне в хату. Скучаю.

Тут при встрече всегда поят чаем

И не гаснет прокуренный свет.

Впрочем, не приходи.

*Тут не страшно, но сегодняшний день как
вчерашний*

И ни смысла, ни правды здесь нет.

1

Суд

Он пришел с этапа и ушел в этап. Так все приходят и уходят. У него за спиной было девятнадцать весен, а впереди могло ждать восемь зим. Немало, но так было у многих. А еще он попал сюда незаслуженно – как все, как всегда.

Он еще не устал рассказывать о том, как несправедлив мир, о том, что все это – одна система, о том, как бессмысленно рассчитывать на оправдание. И, что удивительно, нашлись слушатели, которые сочувственно кивали, а иногда вставляли и свои такие же, тысячу раз рассказанные истории. Наверное, это успокаивало.

– На суде на что рассчитывать? Сколько запросит, столько и дадут, кто будет разбираться?

– Да не, почти всегда снижают, не гони.

– Может, и снижают, но несильно. Главное – не оправдают! Даже слушать не будут.

– Слушать не будут, но не будут и слышать. И не оправдают, конечно.

И тут он сказал что-то необычное:

– Но ничего! Я буду в международный суд подавать!

– В какой?

– У меня записано...

– Так скажи, в какой? Просто я юрист, мне казалось, что мы ничего не ратифицировали.

– Я так не помню. Мне строгач на этапе записывал, в какой суд обращаться. Сказал, что там решают. Пробовали – работает.

– Может, Гаага? Но мы не подписали... Или Страсбург? Хотя там тоже нет.

– Не, не эти. Там другое было.

– Ну, глянь. Может, и я напишу, раз верняк.

Он полез в кешер, долго там копался, перекладывая все, пока не нашел где-то в недрах обрывок бумаги. Между строками обвинения размашистым и корявым почерком были написаны два слова – суд, куда ему посоветовали обратиться: «Суд Линча».

2

Стоматологи

Он пришел с допроса с таким лицом, что краше в гроб кладут.

– Че, еще эпизодов подкинули? Или челюсть перебили?

– Да не. Зуб болит. Разболелся и болит.

Это действительно было серьезно.

– Тут можно к зубному записаться?

– Можно-то можно, но ты подумай хорошо – может, лучше так?

– А что такое?

– Сам не был, но рассказывали, что им запрещено лечить – только рвут.

– Да бред это, – вступил в разговор еще один. – Лечат, хотя рвут чаще. Правда, когда лечат – не обезболивают.

– А нельзя деньги за заморозку взять?

Вопрос был серьезный, но все посмеялись.

– Нет, конечно.

– Попробуй лучше сам полечи. Сало есть, чеснок тоже.

– Анальгин, кстати, там в баре есть.

– Анальгин – это баловство. Не лечит, а просто боль снимает. Возьми лучше сало, положи на тот зуб. И поддержи. Кому копченое помогает, кому такое.

– Сало – ерунда. Лучше чеснок. Берешь зубчик, чистишь и кладешь: если слева болит, то на правое запястье, а если справа зуб – то на левое. Только сильно долго не держи, сожжешь вену.

– А мы чеснока ножку палили и дышали для зуба.

– Корочку хлеба, может?

– Нет, хлеб от простуды. Для зуба – ножка чеснока.

– Я в ЛТП когда был, сахаром лечили. На ложку – несколько кусочков сахара, он горит – ты дышишь.

– И что? Перестает болеть?

– Просто крошится больной зуб и все другие, если больные есть. Только корни остаются, – советчик широко улыбнулся, показав оба зуба.

Всех выслушав, он начал лечить свой зуб соленым салом. Но потом выпил последнюю таблетку анальгина. На время это должно было помочь.

3

Человечек

Похоже, он был из коммерсантов или даже, может, какой юрист. После знакомства в хате он разложил свои вещи и прилип к развешанным на стене бумажкам. Там были выписки из закона о содержании под стражей, из правил распорядка и даже одно фото – образец заправки кровати. Все давно уже воспринимают эти бумажки как элемент декора хаты: что-то вроде пятен на отсутствующих обоях. Но он стоял долго, изучал и иногда даже кивал в такт своим мыслям.

Изучив правила, он с гордым видом возлег на нару с книжкой. Его предупредили, что так делать нельзя. Что тут так не принято.

– А где сказано, что это запрещено?

– Ну, продольные заметят – рапорт будет.

– За что?

– За то, что лежишь.

– Но это же как бы не запрещено?

– Как бы... Но как бы запрещено...

А он так и не слез. И вскоре открылась кормушка, и по железу постучали ключами: подходи, мол. Да-да, ты, справа сверху.

– Чего лежим?

– Читаем книгу.

– Лежать нельзя!

– Простите, но я внимательно изучил все запреты и обязанности, и вообще всю вывешенную для изучения информацию. Нигде нет запрета лежать.

– А если найду?

– Точно. Я несколько раз проверил.

– Ну посмотри еще раз. На образец заправки кровати.

– Я строго по образцу заправлял.

– А ты на образце человечка видишь?

– Какого?

– Человечка на матрасе сверху нет? Нет. Рапорт. Вопросы есть?

Вопросов не было. А он в этот день выучил еще одно новое слово – «наруха».

4

Топот тараканов

Он открыл глаза и увидел на потолке прямо над собой таракана, спешащего по своим тараканьим делам. Таракан был белым. Говорили, что белые воюют с рыжими, пока один вид не победит другой. Но говорили в других местах. Тут-то, считай, тараканов не было. Этот не считается.

Проблема вообще-то была не в таракане, а в том, что он проснулся посреди ночи непонятно от чего. Может, таракан громко топал? Да какая разница! Дело было швах. Стояла ночь – свет горел лишь чуть менее ярко. На продоле было тихо. Где-то между полуночью и пятью утра. Точнее сказать не получалось. Разве что разбудить кого-то из счастливых обладателей часов и спросить, который час. Пару дней назад один додумался так сделать, а потом оправдывался, мол, ему казалось, будто хозяин часов ворочается и поэтому не спит. Выяснилось, что было без четверти четыре. Проснулись все... Но сейчас все спали. И это было самое ужасное...

Для того чтобы понять, что такое храп, заприте вместе от пяти до двадцати взрослых мужчин. Храпуны обязательно будут. Постепенно они могут обучить своему черному ремеслу и других.

Храпуны вроде дружелюбны: разрешают себя пихать или

переворачивать. Вот только не помогает. Храпун, конечно, перестает храпеть на время, но засыпает он все равно быстрее остальных. А если в хате их несколько (а их всегда несколько), то надежды на переворачивание вообще нет. Тогда просто договариваются, что они дают всем час форы перед тем, как заснуть. Не успел заснуть или проснулся ночью – извини и прими соболезнования. Сейчас был именно такой случай. Храпели трое, окружив его в трех измерениях. Шансов не было. Хотя он, конечно, попытался – стучал по наре. Без толку – не успевал заснуть. И дико бесило: ему не давали спать тем, что спали! Обидно вдвойне! Если уже часа четыре, то можно было б встать... Но кто знает, сколько сейчас?

Так он крутился, ворочался, злился, стучал, вполголоса ругался... А потом как-то устал совсем, взял... И наконец заснул.

5

Полтора корабля

Утром к нему должны были приплыть полтора корабля. Они приплывали ко всем каждое утро. Интересно, как будет здесь.

Кораблями – пустыми спичечными коробками – здесь измеряли и накладывали сыпучее: сахар, чай, кофе, если повезет – приправу. Да и поесть ими было можно в крайнем случае. Бывает, что захочется домашнего пюре, а черпать нечем – спасает корабль и кругаль (солидная алюминиевая кружка без ручки, похожая на большой наперсток). Здесь, в карцере, из личного имущества у него были кругаль, щетка, паста и мыло. И все. Ах да! Еще трусы, носки и тапки. Но сахарницы не было. И ничего из личного имущества на роль сахарницы не годилось. Разве что носок? Но носок нужен был в другом месте. И куда девать полтора корабля сахара? Задачака...

На продоле уже хлопали кормушки. Как будто на старинном галеоне: лязг открывающегося орудийного порта (кормушка открыта) и резкий грохот выстрела (кормушка получила свое, и ее бросили назад, чтобы замок защелкнулся). Вот хлопнула последняя и почти сразу открылась его – он схватил маленький мешочек из плотной ткани. На мешочке было написано по трафарету «К-2». Вот это сахарница! По-

что как из венецианского сервиза. В мешочке болтался песок. Он верил, что сахара не меньше чем полтора корабля. Перемерить было нечем. Корабли в карцер пронести было нельзя. Но хоть сахарница была.

Кормушка снова открылась, в ней была тарелка с кашей. Сегодня на завтрак был матерый овес.

– Чай будете? И пакет для сахара отдавайте!

Мысли заметались. Сахарница уплывала, что делать с кораблями? Не отдавать же назад!

– Сейчас! – Озарение пришло внезапно. Он вывернул большую часть мешочка в миску с овсом, остальное – в пустой кругаль. И гордо протянул мешочек и кружку: – Чай, пожалуйста.

– Чай, пожалуйста.

6

Племянничек

– Гражданин начальник! Разрешите, пожалуйста, фильм досмотреть! Не выключайте, пожалуйста, нам розетку!

– Не, дядька, не могу, извини. – Выключатель щелкнул, дядька смотрел в черный экран потухшего телика, а у продольного появилось новое имя – «племянничек».

– Твой племянник сегодня дежурит! – говорили «дядьке».

– Может, розетку попозже выключит?

«Дядька» поддерживал игру:

– Ой, да непутевый он у меня! Не будет с него толку! Еще и с ключами у него большая проблема...

У «племянничка» действительно была проблема с ключами. Какое-то недержание. То он их ронял, то он их перебирал, то он их теребил. Зато слышали его издалека. Опытные говорили, что «проблема с ключами» – это просто им поблажка, чтобы они были готовы к открытию глаза и не делали ничего предосудительного. Мол, настоящие проблемы с ключами были у продольных на Борисовском тракте. Им было скучно ночью, и они запускали связку ключей по длинному коридору – пасовали друг другу. А все арестанты слушали этот керлинг и тоже не скучали.

Но «племянничек» ночью ключами не кидался и даже

бренчал ими потише. Когда ему становилось скучно, он открывал глаз и долго-долго наблюдал за человекоподобными рыбками в разных аквариумах на продоле. Почему-то он открывал глаз и долго смотрел на них даже ночью, когда все рыбки давно спали. Они решили, что он смотрит, как спит его дядька.

Сгущенка

В новой хате грелся только он. Его нынешние соседи не получали передач и уж тем более не имели денег на лицевом счету. Он подозревал, что греющихся каким-то хитрым образом делили между камерами, чтобы обеспечить дополнительный паек и витамины каждому, кто этого заслуживает своими человеческими качествами. Пусть так.

Подходило время отоварки. Ее не было уже больше двух недель, а значит, совсем скоро можно будет купить все, что нужно и для хаты (тряпку), и для души – хотя бы пару пачек сигарет для курящих.

Когда принесли список отоварки, он его внимательно изучил, как делал каждый раз. Ничего, конечно, не менялось, но напротив некоторых позиций стояли прочерки. Как обычно, не было майонеза. Но появился и новый дефицит – новогодние открытки. Праздник приближался, и, несмотря на лимит (по две в руки), открытки сразу закончились. Ничего, нарисуем сами.

В этот раз ему невыносимо захотелось...

– Мужики, давайте сгущенки возьмем? Кофе будем как аристократы пить.

Мужики замычали одобрительно, хотя для них пара пачек

«Астры» была б лучше.

– Только так! Я возьму два пакета – один для себя, один для всех. Ок?

Конечно, никто не возражал. Стало спокойнее.

Два дня, пока не принесли отоварку, он представлял, как ест сгущенку. Удобно, что она в пакетах с отвинчивающейся крышкой: можно хоть под одеялом присосаться. Не то чтобы он стеснялся, но как-то неудобно было пить сгущенку при всех.

Когда сгущенка пришла, он сразу схватил «свой» пакет и спрятал в кешер. Открывать не стал, чтобы оттянуть удовольствие. Это будет самая вкусная пачка сгущенки в его жизни!

Мужики радовались сигаретам и делили их на порции, чтобы хватило на подольше. А вот со сгущенкой опыта не было, и начинающие аристократы смогли выпить кофе с молоком только один раз.

После этого он продержался еще два дня.

– Опа! – жестом фокусника он достал из кешера пакет.

– Ну что, мужики. Мы опять аристократы!

Мужики загудели с одобрением, хотя «Астра», конечно, была бы лучше. А он ел самую вкусную сгущенку в своей жизни.

8

Семейный ужин

Он зашел, и всем сразу стало понятно – первоход. Нервный, немного побитый, да еще какой-то общипанный, в давно не стиранной одежде. Его приняли, узнали кто и за что, дали чаю. Он продолжал тревожно смотреть по сторонам, но немного успокоился.

Когда на коридоре застучали раздаваемые ложки, кто-то спросил у него: «Ты как? Есть сам будешь или со всеми?» Он, конечно, не понял, но ему объяснили, что хата – общаковая, кому что заходит с воли – все делятся, каждый может брать из общака. Но если не хочется – можешь свое прятать в кешер. А еще иногда объединяются в «семьи» – маленькие группы с «общим». Он, похоже, все равно ничего не понимал, но закивал – «я как все!». Когда увидел лук, колбасу и сало, понял наконец и назвал макароны, еще помнившие курицу, «прекрасным семейным ужином». Видимо, большая семья пришла по вкусу.

Дни летели, и летели передачи. Макароны сменялись картошкой, а картошка – макаронами. Он прижился и уже сам рассказывал новичкам, что да как. Не на правах старшего, конечно, а просто по мелочи, если к слову приходилось.

Передач к нему не заходило, хотя письма он кому-то пи-

сал, выпросив конверты. Так бывает. У многих так было.

Когда разносчик передач выкрикнул его фамилию, то он сначала растерялся, а потом ринулся к кормушке, на ходу выкрикивая имя-отчество и год рождения. Кабан зашел богатый. Под тридцать кило и в красивом кешере. Когда вечером его позвали к столу, он просто сказал: «Спасибо, мужики, теперь я сам».

Диктант

Тормоза казались массивными – даже кормушка блестела железными пластинами, но все, что творилось на продоле, было хорошо слышно. А на продоле воспитатель обрабатывала стопку вчерашних рапортов: вызывала по одному нарушителей и отбирала у них объяснения. Отбирала – самое то слово.

Его вызвали третьим. Он даже успел быстро побриться, потому что первых двоих спросили: «А чего это ты такой небритый?» – стандартное начало.

С ним перешли сразу к делу:

– На вас составлен рапорт о том, что вы вчера в 14:45 спали. Было?

– Нет. Я и сотруднику пояснял: у меня сильно болела голова, было высокое давление, я даже врача просил, вот и прилег, но не спал. Я не мог бы заснуть!

– Ну хорошо, напишите. Умеете правильно объяснительные писать?

– Я не знаю, насколько правильно, но...

– Хорошо, я продиктую. Вот бланк.

– Спасибо!

– Пишите, вот тут Ф.И.О., так... А тут – то, что вы мне

поясняли. Такого-то числа во столько-то у меня болела голова, успели?

– Да, написал. Про давление писать?

– Можете, но не обязательно. Итак, болела голова, и я лег на нару и закрыл глаза.

– Но я же не спал!

– Так вы же и не пишете, что спали. Допишите: «...и закрыл глаза». Хорошо, все.

– Этого достаточно?

– Конечно! Зовите следующего, мы у всех отберем объяснения, что вы лежали с закрытыми глазами.

Через час работа была завершена, объяснения взяты.

Можно было налагать взыскания.

Лекарственное растение

Разговор о боярышнике возникал и прекращался неоднократно. Это была одна из вечных тем: как разговор о смысле жизни или о том, какой срок могут дать. Особенно интересно было слушать экспертов.

– Один к одному! Чего мудрить?

– Да это ерунда несерьезная. Там раньше было семьдесят восемь процентов, а сейчас шестьдесят восемь только. Сейчас надо по-умному делать.

– Это как, по-твоему, умно? С книжкой?

– Значит, так. Покупать надо сразу двадцать бутлей.

– Прошу прощения, – влез умник из тех, кто боярышника ни разу не пил даже. На него посмотрели с жалостью еще до того, как он продолжил. – Там вроде по одной в руки продают?

– Просто говоришь, что доктор деду выписал, а ты едешь к нему в деревню на месяц. И шоколадку даешь.

– Можно и без. Короче, двадцать бутлей потом мешаешь: на стакан три бутли бояры и одну бутлю воды. Самое то, – и в подтверждение он поднял большой палец.

– Три к одному – значит, больше сорока процентов получится, – снова влез умник. – А можно подобрать пропорцию,

чтобы ровно сорок.

– Хочешь – считай. А я – три бутли в стакан и одну воды сверху. Мне доктор прописал для нервов, не вру! Только он сказал, что одна бутля на три дня. А как пятьдесят грамм на три поделить? Вот я и умножаю. И одну воды сверху. Но мне два стакана надо.

– Для чего?

– Для успокоения нервов. Выпью – три часа сон.

– Две бутли тоже хорошо для сна, можно и не разбавлять, – в беседу вступил новый адепт.

– А глотку не жжет? – опять умник, и снова на него посмотрели удивленно: и не такое пили.

Впрочем, дискуссия о том, что можно пить, а что точно не стоит, – это другая, вечная, а иногда уже трагичная история.

– Не жжет, но отрыжка потом неприятная.

Присутствующие сочувственно закивали.

– Все равно это баловство. Лучше водяры жahnуть.

– Лучше-то лучше, но умнее – боярышника. Почем водка?

– Шесть двадцать восемь, – сказали трое в унисон.

– Ну вот, а бояр – восемьдесят четыре копейки. Шестнадцать рублей за литр, еще одна – и имеешь семь стаканов! Три пол-литры!

Крыть было нечем. Метод профа был оптимален: крепче и дешевле водки, да еще и целебно – нервы на три часа успокаивает.

Задумчивую тишину нарушил голос:

– А у нас у школы боярышник рос. Мы его собирали, а еще вокруг по забору ходили. Так не ели – швырялись. Там невкусный был.

Но эту беседу никто не поддержал – неинтересно.

11

Ощущение

Про суд опять сообщили после отбоя: с продола выкрикнули его фамилию и «Суд завтра!» – спать сразу расхотелось. Заснулось поздно, а проснулось рано: с полпятого он уже бродил по хате, в полутьме мылся-брился. А вдруг заберут до завтрака? Говорят, иногда так бывает. Собрал все вещи, скрутил матрац – с вещами каждый раз выходишь, как будто навсегда. Забрали его после завтрака, когда он уже в сотый раз рассказал всем подробности своего немудреного дела. Дальше его ждало путешествие: отстойники, стаканы, автозак; немного суда, много ожидания, очень мало курева и очень много шмонов. Вещи он сдал на склад еще до автозака – в СИЗО предстояло вернуться даже в маловероятном случае освобождения.

Не было его часов двенадцать. Из них суд занял полчаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.